

ZOTOB®

Редакционно-издательская группа «Жанровая литература» представляет
книги Зотова

цикл **КАЛАШНИКОВ & МАЛИНИН**

Элемент крови

Минус ангел

Демон плюс

Ад и Рай

цикл **АГАРЕС & АВАДДОН**

Апокалипсис Welcome

Апокалипсис Welcome. Страшный Суд 3D

Апокалипсис Welcome. Армагеддон Лайт

цикл **ТАКОГО ВЫ НЕ ЧИТАЛИ!**

Москау

Сказочник

цикл **КИРИЛЛ & МИЛЕНА**

Республика Ночь

цикл **АЛИСА & КАЛЕДИН**

Печать Луны

Череп Субботы

Скелет бога

Айфонгелие

Асмодей pictures

Эль Дьябло

Тиргартен

ZOTOB®

ДЕМОН
ПЛЮС

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-88

Оформление — *Оксана Ветловская*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Зотов, Г. А.

3-88 Демон плюс : [роман] / Зотов. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 384 с.— (Невероятный Зотов).

ISBN 978-5-17-113828-8

Заявление представителя Рая:

— Это — настоящий скандал. Нам не нужен насыщенный черным юмором мистический триллер, полный стеба над религиозными догмами. Нас шокируют тексты настоящих бесед учеников на Тайной вечере и раскрытие тайны отношений между Иудой и Магдалиной. Факт, почему крест на Голгофе вдруг оказался пуст, никогда не должен быть предан гласности. Мы желаем сохранить сон читателей, обреченных ночами глотать страницу за страницей, пытаясь выяснить — кто же загадочный убийца, охотящийся за апостолами? И, наконец, главное: как вы осмелились напечатать расшифровку телефонных переговоров между Раем и Адом?!

Официальное резюме: «К прочтению в Раю запрещено».

Заявление представителя Ада:

— Это — компромат на зло. Ни к чему поражаться секретам Старого и Нового Завета, переплетенным с тибетской мистикой и интригами времен Древнего Рима, до слез хохотать и замирать над лихими поворотами напряженной детективной линии. Кто позволил вам публиковать имена поп-звезд, политиков и ученых, тайно продавших свои души Шефу Ада? Зачем вы раскрываете, чем заняты в преисподней Цой, Казанова и Иван Грозный? Для чего печатать сенсации о нашем конкуренте: что реально происходило во время превращения воды в вино, воскрешения Лазаря и на суде Понтия Пилата? И, наконец, главное: как вы узнали номер мобильного Смерти?!

Официальное резюме: «К прочтению в Аду запрещено».

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113828-8

© Зотов Г.А., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Смерть не имеет к нам никакого отношения. Когда существуем мы — не существует она. Когда же есть она — то мы уже не существуем.

Марк Аврелий, римский император

Пролог

Наверное, это не очень нормально — когда человек длительное время разговаривает сам с собой. В общем-то, так и есть. Прочтите книгу любого известного психиатра, и вы почерпнете оттуда множество ценных идей. Самая главная — именно с подобных бесед и начинается сумасшествие. Что ж... если рассуждать с этой точки зрения, меня давно одолевала вялотекущая шизофрения. Наверное, уже лет семьдесят как — а может, и того больше. Если честно, я ведь не считал. Философские беседы с треснувшим зеркалом поглощают основную часть моего пребывания у *Двери*. Я разговариваю со своим отражением по десять, а иногда даже пятнадцать часов в день: до тех пор, пока голос полностью не уходит в хрип. Пожалуй, это моя единственная проблема. В остальном, не буду лукавить — я чувствую себя как нельзя лучше. Разве это не отличный повод позавидовать мне?

Подумайте только — не простужаюсь, не устаю, не знаю боли, не испытываю ни малейшей потребности в пище и во сне. Единственное, что не вечно, — так это память, особенно с годами: они текут стремительно, подобно тем извилистым горным рекам, воды которых я могу видеть со скалы. Пытаясь сохранить свежесть воспоминаний, я последовательно общаюсь с собой на тех языках, которыми владею в совершенстве. В понедельник — на родном,

во вторник — на испанском, в среду — на старонорвежском, четверг и пятницу отдаю французскому, а в конце недели тренирую латынь с древнегреческим. Глотая один за другим холодные месяцы, я часто обращаюсь к зеркалу с вопросом: когда же придет мой час? Оно отвечает мне однообразно — потускневшим и мертвым молчанием. Как я устал от ожидания... нудного, томительного и однообразного одиночества... это просто убивает меня, высасывает последние соки из застывшего в напряжении мозга. Да, я сам виноват. Но что я мог сделать? Ведь я получил твердый приказ: сначала *устранить* охранников, а затем — и самого **доктора**.

С первой частью задания я справился блестяще. Заметьте, я ничуть не хвастаюсь, просто излагаю так, как оно есть. Всего лишь и надо было — попросить охрану отойти в сторону, помочь мне с разгрузкой багажа. Дождавшись, пока эти тупицы выйдут из *круга*, я бесшумно покончил с обоими. А вот что касается второй — здесь, к стыду моему, я ощутил некоторое колебание: чувство, прежде незнание мне при выполнении приказа. Палец дрогнул на курке, когда я выстрелил **доктору** в затылок. Предчувствие? Да-да... теперь уж я точно могу сказать — причиной моих сомнений стала вовсе не химера призрачной совести. Если бы я только знал, сколько полновесных лет мне придется провести одному... *совсем одному* — высоко в заснеженных горах, с отвращением вдыхая горький, разреженный воздух... то постарался бы чуточку повременить с *исполнением*. Самые первые годы мне хотелось выть на луну. Но пейзаж вокруг не менялся, застыл, как на картине — день за днем, год за годом. Скоро одиночество вошло в печальную привычку. Живой **доктор** вполне мог бы скрасить стекающее с небосклона время философскими беседами — пока не откроется Дверь. Но оживить его было уже не в моих силах...

...Вокруг свистят порывы сильного ветра: над горой густеют грозовые тучи, постепенно наливаясь свинцовым отблеском. Уже не первый год, забираясь под кожу невидимыми муравьями, меня раздирают тяжелые сомнения. *Дверь!* А существует ли она вообще, эта *Дверь*? Иногда смотрю на нее безотрывно, часами — так, что очертания скалы начинают двигаться и «плавать», отражаясь в безразличном слепом небе. Сколько мне лет? Восемьдесят? Сто? Знаю точно — на родине я уже давно бы умер. По меньшей мере — превратился в дряхлого старика без мозгов и зубов. И хоть один человек во всем мире сможет мне объяснить — **ну что же здесь за место такое?** Надрывая легкие, я кричу этот вопрос в пустоту — но слышу в ответ лишь отголоски чистейшего эха.

Покойный **доктор**, конечно, пытался рассказать, но его повествование всегда выходило путаным и сумбурным. Брызжащий фонтан слов, перемешанных с особыми терминами, сводился, в сущности, к забавному выводу — профессор и сам не может дать мало-мальски научное объяснение происходящему. Ясно только одно: вокруг горы «пульсирует» *источник* сильнейшей энергии непонятного происхождения. Еще перед Первой мировой войной **доктор** начал пробовать искать *Дверь*, руководствуясь оригиналами старинных манускриптов из похищенного архива секты «Желтая шапка». Облазил все окрестные горы по сантиметру, трижды попадал под снежную лавину, ночевал на пастбищах, натирая щеки салом от обморожений. Он нашел — но только сейчас. Чтобы узнать тайну *приблизительного* пути к *источнику*, ему пришлось убить ее последнего носителя — старого человека, считавшегося в этих краях *живым богом*. Подумать только... в самом начале нашего совместного путешествия, когда мы встретились с **доктором** у баш-

ни Кутаб-Минар, я откровенно не доверял ему. Считал пустым фантазером, радостно распыляющим тонны казенных денег. Когда я понял, что это место действительно уникально, то уже не мог извиниться — труп **доктора** лежал на дне пропасти. Меня никто не назовет наивным. Но любой прожженный материалист обрел бы веру в чудо, попади он сюда. Годами я нахожусь в *круге*, но мне не нужны вода и питье, а мое тело отказывается стареть. Маленькое зеркало, потускневшее от времени и погоды, отражает все то же лицо в обрамлении светлых волос. Обмануть разум можно. Глаза — нельзя. Мертвый **доктор** прав — *Дверь* откроется.

...Пистолет с двумя обоймами всегда находится рядом со мной. Прямо возле сердца — так, чтобы я всегда мог его почувствовать. Пистолет не столь изящен, как снайперская винтовка, но ее в *другом мире* не спрячешь в складках одежды. Она сразу же привлечет внимание, и такая оплошность может стоить жизни. Зато оружие сохранилось идеально. Я регулярно смазываю и чищу его, лелею, словно новорожденного ребенка. Еще бы. Ведь я возлагаю на него большие надежды. В *решающий момент* пистолет не должен дать осечки. Шестнадцать патронов? Этого хватит. Больше одной пули на цель я не расходовал никогда. Правда, пришлось предусмотреть и другие варианты. Если что-то произойдет с оружием, я сумею справиться и голыми руками.

...Простите: я, кажется, сказал, что одиночество — это моя основная проблема? Да, основная — но совсем не единственная. Меня разлагают ужасы однотипного ежедневного бытия, нахождение в полном неведении. Тяжело жить в приторной пустоте, где никто не слышит твой крик. Мой радиоприемник молчит, он так никогда и не включался — батареи в его утробе давно проржавели и сгнили. Что сейчас происходит дома... я не обладаю возможностью это

узнать. Мне было четко сказано: «**Приказ могу отменить только я**». И раз он не отменен и за мной не явились — значит, надобность в моей миссии не отпала. Я утомлен, но не сломлен. Если потребуется — я прожду здесь еще столько же лет. Приказ будет выполнен.

...Но что... что же это такое? ВЕЛИКИЕ БОГИ, ЧТО Я ВИЖУ?! СВЕТ! ЯРКИЙ, РЕЖУЩИЙ ГЛАЗА СВЕТ! Я не брежу? Все наяву? НЕУЖЕЛИ? О ДА, ДА! Скала треснула, неохотно раскрывая свое каменное нутро, сквозь извилистую щель настойчиво пробиваются тончайшие лучи белого света. *Дверь* постепенно ширится, тихо раскалываясь мне навстречу... И ЭТО НЕ СОН! Мои уши заполняет сладостная музыка — я будто слышу хор ангелов, медоточивыми голосами выводящих: «Аллилуйя! Аллилуйя!» Я ЗНАЛ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ЗНАЛ, ЧТО ЭТО СЛУЧИТСЯ! Нервным прыжком, которому позавидует и африканская антилопа, я рванул к светящейся щели в скале. Ошибки нет. С каждой секундой она расширяется все больше — в мое лицо, будоража и ослепляя, очередями бьют всполохи нестерпимого молочно-белого света. Забери меня все силы Ада... Это совсем не мираж, поражающий истомленных жаждой путников в мертвой пустыне. Я вижу это на самом деле... на самом деле... НА САМОМ ДЕ-АЕЕЕЕЕЕЕЕ!!!

Ничего себе заорал... эхо от гор отдалось так, что прямо в голове зазвенело. Спокойно, возьми себя в руки — и прекрати визжать, словно девушка в фильме про вампиров. Срочно, надо срочно проверить вещи, все ли на месте — нельзя терять ни секунды. Пистолет покоится в кармане, пришитом за пазухой, там же — плоская, непроницаемая металлическая коробка с *аппаратом*, которая понадобится мне чуть позже. Обе обоймы с патронами — вот они, тихо позвякивают в матерчатом кошельке, привязанном к широкому серому поясу. Я одет

в оборванную, истертую временем одежду из грязной и вонючей мешковины. Спутанные волосы перехватывает сыромятный ремешок, на ногах — облезшие сандалии из воловьей кожи.

Щель в скале раскрылась достаточно широко. Встав на четвереньки, я осторожно втискиваюсь внутрь рокового проема *за Дверью*. Мягкие удары от вибрации воздуха толкают меня в живот и плечи, я всей кожей ощущаю ледяной холод, частые покалывания сильных ступок энергии, сходных с электрическими. Тело обжигает резкая боль, пересыхает во рту, налившись кровью, воспаляются глаза. Мне хочется потереть их, но я не могу этого сделать — из-за обволакивающей тесноты. Яйцевидное помещение, вырубленное в скале... узкое, как древняя монашеская келья. Сюда можно вползти лишь на брюхе. Несмотря на дискомфорт, я больше не волнуюсь. Моим сердцем овладело безбрежное спокойствие, пальцы перестали дрожать, пульсирующая боль утихла. В волосах изредка потрескивают пробегающие искры. Приближая открытую ладонь к изливающей божественный свет холодной стене, я почтительно отдаю дань ее величию и могуществу:

— *Аха нга, ла рокпа наш ронанг...*

Белый камень, красиво переливаясь, меняет цвет на черный, в центре стены образуется фосфоресцирующий круг. Сработало. Заклинание «Желтой шапки» из свитка мертвого **доктора**, давно заученное наизусть, оказалось верным. Приложив плотную, как при жарком поцелуе, дрожащие от нетерпения губы, я шепчу на санскрите в самую сердцевину пузырящегося камня:

— Год сто шестидесятый от начала пути великого царя Ньяти-Цзанпо..

Поверхность губ обжигает словно огнем, но я не отстраняюсь. Терпеливо, чеканя слова в металле, я произно-

шу требуемое число *здесь* календаря — точный день и точный час. Заключительное слово разрывает рот раскаленными клещами. Мертвое имя ТОГО САМОГО проклятого города.

Я успеваю произнести его. По буквам, чтобы не ошибиться.

Успеваю сказать трижды — так, как предупреждал **доктор.**

...ВСПЫШКА. ВЗРЫВ. БЕЛОЕ ПЛАМЯ. ТЬМААААА...

Часть первая

Глава 1

ПОЛЕТ ВОРОНА

(Окрестности Ерушалаима, провинция Иудея:
две недели после ид месяца *arplis*,
786 год *ab Urbe condita*¹)

Птица казалась неестественно крупной. Человек с разбитыми губами и слезящимися от лучей полуденного солнца глазами поначалу принял ее за громадную черную курицу. Вскоре он понял свою ошибку — даже самые голодные куры не питаются мертвечиной. Щелкая облезшим клювом и осторожно перебирая лапками по неотесанной деревянной перекладине, отливающий иссиня-черным блеском жирный ворон придвинулся к голове человека. Веки умирающего, покрасневшие от солнечных ожогов, слегка дрогнули — и птица проворно отскочила назад. Каркнув, она угрожающе расправила крылья. Спешка бывает опасна для здоровья. Совсем недавно точно такое же полудохлое существо изловчилось схватить его за крыло зубами — чуть пополам не перегрызло. Лучше подождать еще с часик. До вечера мало кто выдерживает. Ворон отлетел на конец пе-

¹ В Древнем Риме иды — день в середине месяца. В апреле приходился на 13-е число. *Ab Urbe condita* (лат.) — «От основания города», принятое в Римской республике (а затем и империи) официальное летосчисление. (*Здесь и далее прим. автора.*)

рекладины. Скосив глаз в сторону казненного, он принялся деловито чистить перья.

Человек хрипло вздохнул. Разжатые ладони судорожно подергивались — из вздувшейся плоти торчали шляпки ржавых гвоздей, посиневшие запястья были плотно привязаны грубыми веревками к перекладине. Кровь уже не сочилась из ран, внизу, на сухой земле у самого основания креста, загустели, подернувшись пленкой, две маленькие багровые лужицы. Обнаженное тело опоясали тонкие полосы от ударов бича из бычьей шкуры, жирные зеленые мухи слетелись на них роем, упиваясь сукровицей. Пальцы дрожали, сжимаясь и разжимаясь: несчастному ужасно хотелось поскрести ногтями бока, дабы отогнать проклятых насекомых. «Да уж, — мелькнуло в угасающем сознании, — правильно сказал мудрый философ... нет в жизни большего удовольствия, чем вволю почесать, где чешется».

...Депрессивные мысли распятого на кресте бледного брюнета (с тонким, характерным шрамом над правой бровью) проистекали отнюдь не в полном одиночестве. На соседнем деревянном столбе *сучал* рыжеволосый парень лет двадцати пяти, в душе которого бурлил негатив по поводу конкретно ворона, мух и вообще всего происходящего. Кудри медного цвета слиплись в колтуны, щеку пересекала рваная ссадина, под левым глазом красовался сочный синяк. Зорко отслеживая недавние передвижения ворона, парень пришел к выводу: от опасной птицы пора избавиться.

Громко и жалобно простонав, рыжий закатил глаза и бессильно вывалил изо рта распухший от жажды язык. Ворон сейчас же спикировал на перекладину, о чем жестоко пожалел. Внезапно оживший «покойник», резко вскинув голову, закатил ему меткий плевок прямо в открытый глаз. Ошарашенная птица, с трудом сохраняя равновесие, стрелой ринулась вверх.